

НРОО «Гильдия молодых библиотекарей»

Царь Иван Грозный
(В.М. Васнецов. 1897)

Без них Россия
была бы другой

Царь
Иван Грозный
(1530-1584)

Царь Иван Грозный (1530-1584)

В значительной степени XVI век можно назвать эпохой Ивана Грозного, сына великого князя Московского Василия III и Елены Глинской. По отцовской линии происходил из московской ветви династии Рюриковичей, по материнской — от Мамая, считавшегося родоначальником литовских князей Глинских. Бабка по отцу, Софья Палеолог — из рода византийских императоров.

Едва ли в русской истории можно найти другого государственного деятеля, получившего столь противоречивые оценки. Он завоевал Казань и Астрахань — а ему не дали места на памятнике Тысячелетию Руси. Православная церковь вписала его имя в число святых — а его называют маньяком и убийцей. Он за 50 лет своего правления казнил в 8 раз меньше людей, чем французский король Карл IX убил за Варфоломеевскую ночь, — а его объявили величайшим тираном всех времён и народов. Он за всю свою жизнь ни разу не пропустил церковную службу — а ему приписали убийство св. митрополита Филиппа и собственного сына.

Русский публицист XIX в. Н.К. Михайловский справедливо писал, что «при чтении литературы, посвященной Грозному, выходит такая длинная галерея его портретов, что прогулка по ней в конце концов утомляет. Одни и те же внешние черты, одни и те же рамки, и при всём том совершенно-таки разные лица: то падший ангел, то просто злодей, то возвышенный и пронзительный ум, то ограниченный человек, то самостоятельный деятель, сознательно и систематически преследующий великие цели, то какая-то утлая ладья «без руля и ветрил», то личность, недостижимо высоко стоящая над всей Русью, то, напротив, низменная натура, чуждая лучшим стремлениям своего времени».

За многие столетия, прошедшие со дня смерти царя Ивана IV Васильевича Грозного, ни в отечественном общественном сознании, ни в научной литературе так и не установилось какого-либо однозначного, тем более единого мнения о личности и деятельности государя. Разные точки зрения возникли ещё при жизни царя. В официальном летописании царь прославлялся как великий христианский государь.

Князь А.М. Курбский, бежавший в 1564 г. из России в Литву, стал первым обличителем Ивана IV. Именно Курбский оказался автором концепции «двух Иванов»: в 1550-е гг. — благочестивый православный царь, участник созидания Святорусского царства; в 1560-1570-е гг. — предатель христианских истин, разрушитель Святорусского царства, тиран, убийца.

Подобное двойственное восприятие личности и деятельности Ивана Грозного сохраняется до сих пор.

Не имея наследников, князь Василий III приказал силой постричь в монахини свою первую жену Соломонию Сабурову и в январе 1526 года сочетался браком с юной княжной Еленой Глинской. Одна из родословных легенд повествует, что после гибели Мамая его сыновья бежали на Русь, крестились там по православному обряду и получили в удел Глинск. Если доверять этой информации, то будущий Иван Грозный становится потомком обоих главных героев Куликовской битвы — и Дмитрия Донского, и Мамая.

В браке с Еленой у князя Василия родились два сына. Мальчика, появившегося на свет 25 августа 1530 года, назвали Иваном. 30 октября 1532 года Елена Глинская родила второго сына — Юрия.

Согласно бытовавшему на Руси праву престолонаследия великокняжеский престол переходил к старшему сыну монарха, однако Ивану («прямое имя» по дню рождения — Тит) было всего три года, когда его отец великий князь Василий III серьёзно заболел.

Ближайшими претендентами на трон, кроме малолетнего Ивана, были младшие братья Василия — князь Старицкий Андрей и князь Дмитровский Юрий. Предвидя скорую смерть, Василий III сформировал для управления государством «седьмочисленную» боярскую комиссию. Опекуны должны были беречь Ивана, пока он не достигнет 15 лет. В опекунский совет вошли князь Андрей Старицкий — младший брат отца Ивана, М.Л. Глинский — дядя великой княгини Елены и советники: братья Шуйские (Василий и Иван), Михаил Захарьин, Михаил Тучков, Михаил Воронцов. По замыслу великого князя, так должен был сохраниться порядок правления страной доверенными людьми и уменьшиться распри в аристократической Боярской думе.

Василий III умер 3 декабря 1533 года, а уже через 8 дней бояре избавились от основного претендента на трон — дмитровского князя Юрия.

*Елена Глинская.
Портрет-реконструкция
(С.А. Никитин)*

Опекунский совет управлял страной меньше года, после чего его власть начала рушиться. На глазах мальчика происходила отвратительная по жестокости и беззастенчивости борьба между боярскими группировками. Восьми лет он потерял мать — Елену Глинскую, которая, став регентшей при малолетнем царе, вызвала недовольство знати. Современные исследования саркофага, а именно спектральный анализ кусочков ткани головного убора и волос показал, что великая княгиня Елена была отравлена солями ртути.

О должном воспитании и образовании наследника великокняжеского престола никто не заботился. Иван рос нервным, впечатлительным, пугливым, на всю жизнь запомнил он напряжённую, тревожную и непредсказуемую атмосферу придворных интриг, противоборства и беспощадности. Видел он расхищение казны, ложь и лихоимство, убийства, бесцеремонные притязания придворных временщиков. Запоминал, накапливал ожесточение и ненависть. Болезненно неуравновешенный, вспыльчивый характер Ивана IV, его жестокость проявились уже в юности. Отклонения в психике имели не только внешние причины, коренившиеся в дурном воспитании, но и в его

родословной. Столь множественное, случайное смешение кровей уже само по себе могло послужить источником психической неуравновешенности. Генетическая наследственность царя заключала в себе черты вырождения. Впоследствии династия была неумолимо пресечена.

В 1545 году, с приходом 15-летнего возраста, Иван достиг совершеннолетия, таким образом став полноправным правителем. 13 декабря 1546 года Иван Васильевич впервые высказал митрополиту Макарию намерение жениться, а перед этим венчаться на царство «по примеру прародителей».

Древнее византийское царство с его боговенчанными императорами всегда было образцом для православных стран, однако оно пало под ударами неверных. Москва в глазах русских православных людей должна была стать наследницей Царьграда — Константинополя. В начале XVI века всё большее распространение и признание получает идея божественного происхождения власти государя. 16 января 1547 года в Успенском соборе Московского Кремля состоялась торжественная церемония венчания, чин которой

был составлен самим митрополитом. Митрополит Макарий возложил на Ивана знаки царского достоинства — крест Животворящего Древа, бармы и шапку Мономаха; Иван Васильевич был помазан миром, а затем митрополит благословил царя. Царский титул позволял занять существенно иную позицию в дипломатических сношениях с Западной Европой. Великокняжеский титул переводили как «принц» или даже «великий герцог». Титул же «царь» в иерархии стоял наравне с титулом «император».

Сразу после состоявшегося в январе венчания на царство знатные сановники, окольничие и дьяки начали объезжать страну, подыскивая царю суженую. Был устроен смотр невест. Выбор царя пал на Анастасию, дочь вдовы Захарьиной. При этом Н.М. Карамзин говорит, что царь руководствовался не знатностью рода, а личными достоинствами Анастасии. Венчание состоялось 13 февраля 1547 года в храме Богоматери.

В результате коронации родня царя упрочила своё положение, добившись значительных выгод, однако после Московского восстания 1547 года род Глинских потерял всё своё влияние, а юный правитель убедился в разительном несоответствии между его представлениями о власти и реальным положением дел.

Приняв на себя груз ответственности за народ и державу, юный царь с ревностью приступил к делам государственного, общественного и церковного устройства. Факты подтверждают, что в то время Иван Грозный, находясь под влиянием группы образованных и патриотически настроенных людей, действительно планировал ряд преобразований на благо России, руководствуясь лучшими побуждениями. Этому способствовала и стабильная личная жизнь царя в то время. Его брак с первой женой Анастасией Захарьиной продлился 13 лет, и, по свидетельствам современников, она была единственная из всех жен, кого он действительно любил.

Историк С.М. Соловьев описывал его в то время так: «Подобно деду своему, Иоанну III, Иоанн IV был очень высокого роста, хорошо сложен, с высокими плечами, широкою грудью; по иностранным свидетельствам, он был полон, а по русским — сухощав, глаза у него были маленькие и живые, нос выгнутый, усы длинные. Привычки, приобретенные им во вторую половину жизни, дали лицу его мрачное, недовольное выражение, хотя смех беспрестанно выходил из уст его. Он имел обширную память, обнаруживал большую деятельность; сам рассматривал все просьбы; всякому можно было обращаться прямо к нему с жалобами на областных правителей».

Основной его задачей в то время становится укрепление самодержавной власти, а, следовательно, и централизации государства. В начале своей карьеры царь показал себя глубоким, предусмотрительным, терпимым политиком. Один из европейских послов писал о поразившем его случае, свидетелем которого он стал. На насмешливые подначки царя придворный писарь распалился и бросил ему в ответ: «Брешешь, собака!». Посол чуть не упал с лавки. Ему показалось, что голова писаря уже катится по эшафоту. Однако государь, посмеиваясь, продолжал поддевать не на шутку осерчавшего дворового. На церковном соборе 1551 г., названном Стоглавым, Иван IV дал очень резкую характеристику боярскому правлению. Царь обвинял бояр в захвате власти и развязывании междоусобиц. Показателем недовольства царя боярами стало формирование при нем кружка правящих лиц, названного «Избранной радой».

Избранная рада — новое правительство, в которое входили его сторонники, в частности митрополит Макарий, духовник Сильвестр, дворянин Алексей Адашев и князь Андрей

*Царица Анастасия, первая
жена царя Иоанна IV
Васильевича*

Курбский. Избранной радой на всем протяжении ее существования был подготовлен ряд документов государственного образца, направленных на централизацию государства. Также была написана Степенная книга — официальная история России, с центральной идеей о правах московских царей на вотчины князей времен Киевской Руси.

Иваном Грозным было положено начало проведения и других реформ. В 1549 г. был созван первый Земский собор. Состав Собора был разным: представители высшего духовенства, чины Государева двора, Боярская дума, представители городских служилых корпораций, посадские люди и черносошное крестьянство. На Соборах принимались важные законы, за участие в них платили жалованье, как за службу.

За первым Земским собором последовали и другие важные государственные преобразования. Началась работа над новым Судебником, который был готов к 1550 г.; в нем получил подтверждение переход крестьян в Юрьев день, но было увеличено «пожилое» (плата феодалу при переходе). Усиливалась власть феодала. Юридическое положение крестьян приближалось к статусу холопа. Ужесточились наказания. Впервые в этом Судебнике вводились наказания для бояр и дьяков-взяточников, ограничились права наместников и волостелей. В нем не только увеличилось число статей с 68 до 100 и разъяснялись некоторые положения, но и имелись черты новизны, связанные с дальнейшим укреплением государства и центральной власти. Отменялись старые тарханные грамоты (освобождавшие от прямого налога), запрещалась выдача новых, что способствовало упрочнению государственного единства. Судебник и царские грамоты предоставляли крестьянским общинам право самоуправления, раскладки податей и надзора за порядком.

Ещё в 1546 году создаются первые отряды стрельцов, которые уже получают великокняжеское жалованье не за войну, а за исполнение обязанностей в течение года. В 1550 году в целях усиления личной безопасности Иван IV утверждает сначала «выборных стрельцов и с пищалей 3000 человек», размещая их в Москве в Воробьёвской слободе, а затем и «избранную тысячу», представляющую собой конный отряд поместного ополчения наиболее преданных государю боеготовых бояр и лучших детей боярских. «Избранная тысяча» получила поместья в пределах 60-70 км от Москвы. Постоянное пешее стрелецкое войско было вооружено пищалами, бердышами и саблями. Стрелецкие части были полурегулярными, поскольку стрельцы самостоятельно вели хозяйство, хотя и получали жалованье. Командирами стрелецких частей назначались «дети боярские».

Русская артиллерия эпохи Ивана Грозного была разнообразна и многочисленна. Дж. Флетчер в 1588 году писал: «Полагают, что ни один из христианских государей не имеет такой хорошей артиллерии и такого запаса снарядов, как русский царь, чему отчасти может служить подтверждением Оружейная палата в Москве, где стоят в огромном количестве всякого рода пушки, все литые из меди и весьма красивые». «К бою у русских артиллеристов всегда готовы не менее двух тысяч орудий...» — доносил императору Максимилиану II его посол Иоанн Кобенцль. Московская летопись пишет: «...ядра у больших пушек по двадцати пуд, а у иных пушек немного полегче». Самая крупная в Европе гаубица — «Кашпирова пушка», весом 1200 пудов и калибром в 20 пудов, — принимала участие в осаде Полоцка в 1563 году. Также «следует отметить ещё одну особенность русской артиллерии шестнадцатого столетия, а именно — её долговечность», — пишет современный исследователь Алексей Лобин. «Пушки, отлитые по повелению Иоанна Грозного, стояли на вооружении по несколько десятилетий и участвовали почти во всех сражениях XVII века».

После десятилетия княжеско-боярского правления военные преобразования были отнюдь не лишними. Бояре восстановили своё влияние на местах. Практически каждый из них имел достаточно мощную дружину из вооружённых дворовых и местных дворян.

Сложившиеся обстоятельства требовали решительного пересмотра большей части устоявшихся норм и правил государственного устройства.

Было упорядочено местничество. Возникло оно лишь на рубеже XV-XVI вв. и состояло в том, что при назначении на военные и государственные должности решающее значение имело происхождение служилого человека. Учитывалась не абстрактная знатность, а службы предков и родственников. Местничаться имели право только аристократические роды. Их состав был точно определен официальным родословным справочником — «Государевым родословцем». Все назначения записывались в разрядные книги. Эти записи были систематизированы в «Государственном разряде», который был официальным справочником для местнических споров. «Приговор о местничестве» способствовал значительному укреплению дисциплины в войске, повышению авторитета воевод, особенно не знатного происхождения, и улучшению боеспособности русского воинства, хотя и встретил большое сопротивление родовой знати.

В 1555-1556 гг. было принято уложение о службе, вводившее общий порядок службы с вотчин и с поместий, когда со 100 четвертей «доброй» земли выставляется один дворянин на коне в полном доспехе, а в дальний поход с двумя конями. За ратников в полном доспехе помещику выплачивалось 2 рубля. Денежное вознаграждение удваивалось за каждого из выставленных сверх нормы людей. Руководство поместным ополчением возлагалось на специального воеводу, который периодически проводил смотры.

Насыщение войск огнестрельным оружием приводит к зарождению в тактике ведения боевых действий новых приёмов, когда стрелецкие полки для повышения эффективности оружейного огня выстраиваются в одну-две линии по 4-6 шеренг в глубину и поочерёдно производят залпы из своего оружия. Таким образом, линейная тактика, принятая во всей Европе лишь в середине XVII века, после окончания Тридцатилетней войны, была предвосхищена русскими войсками ещё в 60-х годах XVI века.

В начале 1560-х годов Иван Васильевич произвел знаковую реформу государственной сфрагистики. С этого момента в России появляется устойчивый тип государственной печати. Впервые на груди древнего двуглавого орла появляется всадник — герб князей Рюрикова дома, изображавшийся до того отдельно, и всегда с лицевой стороны государственной печати, в то время как изображение орла помещалось на оборотной: «Того же году (1562) февраля в третий день Царь и Великий Князь печать старую меньшую, что была при отце его

Великом Князе Василии Иоанновиче, переменил, а учинил печать новую складную: орел двоеглавый, а среди его человек на коне, а на другой стороне орел же двоеглавый, а среди его инърог». Новая печать скрепила договор с Датским королевством от 7 апреля 1562 года.

В это время начинается формирование аппарата управления государством. Местное управление и суды были переданы в руки выборных органов местного самоуправления — губных старост. В городах органами управления стали земские избы с выборным штатом. Деятельность губных и земских органов контролировалась приказами.

При Избранной раде полностью сложилась приказная система центрального управления. Это был высший орган контроля. Приказы

Большая государственная печать Ивана IV Васильевича. Лицевая сторона

организовались как по отраслевому, так и по территориальному принципу. К примеру, Посольский приказ руководил внешней политикой, Челобитный — принимал жалобы на имя царя и проводил следствия по ним. Вопросами землевладения занимался Поместный приказ. Разбойный приказ разыскивал и судил «лихих людей». Сбор дворянского ополчения и назначение воевод были в компетенции Разрядного приказа. Во главе приказов стояли дьяки, в руках которых была сосредоточена большая власть.

Судьба Избранной рады была неутешительна, так как сразу после смерти царицы Анастасии был арестован Адашев, которого обвинили в том, что они с Сильвестром «очаровали» и извели ее. Иван Васильевич в 1572 году говорил литовскому послу, что его первую жену, Анастасию, убили «колдовством».

Адашев умер через два месяца, в 1561 г., в тюрьме в Дерпте. Сильвестра заточили в Соловецком монастыре.

Это означало, что царь разрывал со своей прежней политикой и со своим стремлением к достижению компромисса между разными слоями общества. Фактически же разгон Рады был вызван стремлением царя упрочить личную власть, т.к. возможности к этому уже были. Знать легко бы простила Грозному отставку его советников Адашева и Сильвестра, но она не желала мириться с покушением на прерогативы боярской Думы. Идеолог боярства, Курбский, самым решительным образом протестовал против ущемления привилегий знати и передачи функций управления в руки приказных (дьяков): «писарям русским князь великий зело верит, а избирает их ни от шляхетского роду, ни от благородна, но паче от поповичей или от простого всенародства, а то ненавидячи творит вельмож своих».

Новые недовольства князей вызвал царский указ от 15 января 1562 года об ограничении их вотчинных прав, ещё больше чем прежде уравнивавший их с поместным дворянством. Вследствие этого в начале 1560-х гг. среди знати появляется стремление бежать от царя Ивана за границу. Так, дважды пытался бежать за рубеж и дважды был прощён И.Д. Бельский, были пойманы при попытке к бегству и прощены князья В.М. Глинский и И.В. Шереметев. Среди окружения Грозного нарастает напряженность: зимой 1563 года перебежали к полякам ещё несколько бояр. В апреле 1564 года в Польшу перебежал, в опасении опалы, Андрей Курбский, как позднее указывает в своих сочинениях сам Грозный, прислав оттуда царю обвинительное письмо.

Избранная рада провела серьезные реформы, рассчитанные на длительный период, однако Иван Грозный к тому времени стремился уже к немедленным результатам. При неразвитости аппарата государственной власти быстрое продвижение к централизации было возможно лишь при помощи террора, а рада была против этого. Падение Избранной рады стало прологом к опричнине.

В 1564 г. русское войско было разбито на р. Уле. Это послужило толчком к началу казней тех, кого Грозный счёл виновниками поражения: были казнены двоюродные братья — князья Оболенские, Михайло Петрович Репнин, Юрий Иванович Кашин. В начале декабря 1564 года была предпринята попытка вооружённого мятежа против царя, в которой принимали участие западные силы: «Многие знатные вельможи собрали в Литве и в Польше немалую партию и хотели с оружием идти против царя своего».

*Сильвестр, Анастасия Захарыина
и Адашев на памятнике
«Тысячелетие России» в Великом
Новгороде*

В 1560-е годы царь, прибегая к репрессиям против тех, кого он считал своими недругами и противниками, всё чаще проявлял крайнюю безжалостность и кровожадность. Апогеем его истребительной политики стала опричнина.

5 января 1565 г. в Александровской Слободе Иван IV объявил о введении в стране Опричнины. Страна делилась на две части: «Государеву светлость Опричнину» и земство.

В состав опричного «удела» вошли: несколько крупных дворцовых волостей, северные уезды с богатыми торговыми городами, основные центры добычи и переработки соли — Старая Русса, Каргополь, Соль Галицкая, Соль Вычегодская. Опричное войско формировалось из худородных дворян. Именно это войско, по замыслу Ивана Грозного, должно было стать надежным орудием в его борьбе с феодально-аристократической оппозицией. В опричный двор царя попадали даже иностранные офицеры; царским опричником, например, был Генрих Штаден, оставивший впоследствии свои записки об опричнине. Царь забирал у бояр лучшие земли, а их отправлял на окраины — земщины. И хотя опричнина по своей форме напоминала возвращение к временам феодальной раздробленности, однако она преследовала другую, противоположную цель — уничтожить остатки дробления в России.

Некоторые исследователи считают, что царь создал опричнину по образцу доминиканского ордена. Опричники разъезжали по Москве верхом, с собачьими головами и метлами, которые были привязаны к седлам в знак того, что они грызут царских врагов и выметают из Русской земли измену. На гербе ордена доминиканцев та же собачья голова и пук оливковых веток.

Доминиканцы заведовали инквизицией, и Грозный создал монашеский орден, заведовавший своего рода инквизицией, а руководителем этого ордена был сам. В отличие от римо-католичества, православие не знает экстерриториальных монашеских орденов, независимых от епархиальных структур, но опричнина стала именно таким образованием. Карамзин считал опричнину пародией на монашество; но это не пародия — Иван IV основал настоящий монашеский орден. Опричники не давали обета безбрачия — это он перенял от лютеранских рыцарских орденов в Прибалтике, с которыми столкнулся во время Ливонской войны. Но опричники давали присягу: служить только царю, доносить на изменников, не знаться с земскими людьми и при вступлении на службу отказаться от отца и матери, чтобы служить только одному государю.

В опричнину брали только «лутчих», «по выбору». Особенно тщательный отбор проходили люди, имевшие непосредственное отношение к жизни царя.

На 20 марта 1573 года в составе опричного двора царя Иоанна числилось 1854 человека. Из них 654 человека составляли охранный корпус государя, его гвардию («особую опричнину»). Эти люди в случае необходимости служили в роли доверенных царских порученцев, осуществлявших охранные, разведывательные, следственные и карательные функции. В их числе, кстати, находился в 1573 году молодой еще тогда опричник «Борис Федоров сын Годунов». Остальные 1200 опричников разделены на четыре приказа, а именно: Постельный, ведающий обслуживанием помещений дворца и предметами обихода царской семьи; Бронный, то есть оружейный; Конюшенный, в ведении которого находилось огромное конское хозяйство дворца и царской гвардии, и Сытный — продовольственный.

Новых слуг царь жаловал поместьями, одевал в платья, шитые золотом; позволял им буйствовать, обижая жителей. Все слои населения, попадавшие под действие опричнины, терпели насилие, всё трепетало перед опричниками. В России водворилось полное бесправие. Начались опалы, казни бояр, которых привозили для пыток в Александровскую слободу, куда Иван IV перебрался вместе со своим семейством.

Казнили сотнями. Первыми жертвами опричнины стали виднейшие бояре: первый воевода в Казанском походе А.Б. Горбатый-Шуйский с сыном Петром, его шурин Пётр

Ховрин, окольничий П. Головин (чей род традиционно занимал должности московских казначеев) и многие другие. Имущество казнённых конфисковывалось. Наиболее яркими из опричников того времени были: Алексей Данилович Басманов-Плещеев, князь Афанасий Иванович Вяземский, а особенно — любимец царя и главный палач опричнины с конца 60-х гг. Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский по прозвищу Малюта.

Будучи опричным «игуменом», царь исполнял ряд монашеских обязанностей. Так, в полночь все вставали на полунощницу, в четыре утра — к заутрене, в восемь начиналась обедня. Царь показывал пример благочестия: сам звонил к заутрене, пел на клиросе, усердно молился, а во время общей трапезы читал вслух Священное Писание. В целом, богослужение занимало около 9 часов в день.

При этом есть свидетельства, что приказы о казнях и пытках отдавались нередко в церкви.

Против опричнины яро выступал митрополит Филипп, деятельный, всеми уважаемый пастырь святой жизни. Филипп обличал царя, упрекал в жестокости его политики, после чего на него были организованы клеветнические доносы. Филипп был низложен опричниками и отвезен в заключение в Тверской Отрочь — монастырь, где позднее старца задушил Малюта Скуратов. Свержение Филиппа подорвано самостоятельность церкви.

Несмотря на то, что самые опасные для Грозного люди уже были казнены, а другие выражали рабскую преданность, царь не успокаивался. Стремясь остановить поток бегущих из Московского государства, царь ввел так называемые крестоцеловальные записи — особые грамоты с клятвой верности. Бояре клялись царю, что не отъедут в чужие земли и будут верой и правдой служить его наследникам.

В 1566 г. часть опальных была возвращена, однако после Собора 1566 г. и требований об отмене опричнины террор возобновился и принимает массовый характер.

Своего апогея террор достиг в 1570 году, когда царь с опричным войском разгромили Новгород. Старинный русский город, избежавший татарского ига в XIII веке, был razорен своим же «православным» царем. Наряду с Новгородом разгрому подверглись Псков, Ладога, Тверь. Результатом этого безумного и вовсе не нужного террора было полное расстройство внутренних отношений в стране.

Закон всякого террора — его прогрессивное возрастание. Притупившаяся восприимчивость требует все более сильных эффектов. Территория, занятая опричниной, постоянно увеличивалась: большая часть государства была захвачена ею. К опричнине отошли все земли Строгановых (в 1566 г), Поморье. На западе территория опричнины простиралась до литовско-немецкой границы, на востоке — до Вятки, а на юге — до Оки. К земщине из крупных городов относились Владимир, Калуга и Тверь.

Загнанная, но не совсем истребленная, зная вместе с чувством страха питала острую ненависть к «издавна кровопийственному роду» московских государей и заранее предвкушала его скорый конец. Опричники и террор восстановили всё население России против жестокой власти, но в то же время внесли рознь и в среду самого общества.

В 1571 году на Русь вторгся крымский хан Девлет-Гирей. Опричнина при этом продемонстрировала полную небоеспособность: привыкшие к грабежам мирного населения опричники просто не явились на войну, так что их набралось только на один полк (против пяти земских полков). Москва была сожжена. В результате, во время нового нашествия в 1572 году, опричное войско было уже объединено с земским. Это объединённое войско 30 июля 1572 года у деревни Молоди в 45 км от Москвы разбило татар и спасло страну. В том же году царь вообще отменил опричнину и запретил само её название, хотя фактически под именем «государева двора» опричнина просуществовала до его смерти. Неудачные действия против Девлет-Гирея в 1571 г. привели к окончательному уничтожению опричной

верхушки первого состава: глава опричной думы, царский шурин М. Черкасский (Салтанкул мурза) «за намеренное подведение царя под татарский удар» был посажен на кол; ясельничий П. Зайцев повешен на воротах собственного дома; казнены были также и многие другие опричные бояре. Тогда же Иван Грозный обрушил репрессии на тех, кто помогал ему прежде расправиться с митрополитом Филиппом.

Опричнина, бушевавшая в России около семи лет, свои ближайшие задачи выполнила: аристократическое боярство было сломлено. Дальнейшее существование опричнины грозило слишком большими осложнениями всему государственному порядку.

Важнейшая для царя проблема соотношения власти и общества была решена в пользу власти. Опричнина подчинила всё общество неограниченной власти монарха. Главенствующая роль единоличного правителя была окончательно установлена, роль Боярской думы упала, она стала более управляемой. Место наиболее строптивых представителей боярства заняла бюрократия: окольничьи, думные дьяки, думные дворяне. Однако, объявив об отмене опричнины, царь не хотел отказаться от всей системы организации служилого класса и обеспечения его земельным жалованием (поместьями). Поместья служилого класса могли обеспечить и снарядить на военную службу своих владельцев только при условии проживания на этих землях крестьян. Так появилась мысль о необходимости прикрепить крестьян к земле, подобно тому, как держатели этой земли были прикреплены к службе. Всё же Грозный не решился на окончательное провозглашение крестьянской крепости; тем не менее, первые шаги этом направлении были сделаны.

Опричнина не представляла единой государственной политики с чётко обозначенными целями и задачами и в силу этого она не была (да и не могла быть) последовательной. Последовательно проводились только казни, которыми сопровождался опричный террор. Опричнина не изменила политической структуры, а только оставила глубокий след в жизни общества того времени.

В 1575 году по желанию Иоанна Грозного крещёный татарин и хан касимовский Симеон Бекбулатович венчан был на царство, как Царь «великий князь всея Руси», а сам Иоанн Грозный назвался Иваном Московским, уехал из Кремля и стал жить на Петровке.

Этому предшествовал новый всплеск казней после развода с очередной женой (Анной Васильчиковой). Отрёкшись от престола, Иван Васильевич взял себе «удел» и образовал свою «удельную» думу, в которой теперь заправляли Нагие, Годуновы и Бельские. Члены прежней думы были казнены. Таким образом царь разгромил тот круг приближённых, который установился в 1572 г., после уничтожения опричной верхушки. Через 11 месяцев Симеон, сохранив титул великого князя, отправился в Тверь, где ему был дан удел, а Иван Васильевич снова стал именоваться царём и великим князем всея Руси.

Следствием всех этих деяний была подорванная экономика, истощение казны, сокращение населения. Всё это не могло не сказаться и на внутреннем, и на внешнем положении страны.

Многие исследователи внешней политики царя считают Ивана IV настоящим завоевателем новых земель, «радетелем» укрепления Российского государства и т.д. Да, действительно, за время его правления к России были присоединены Казанское ханство в 1552 г. и Астрахань в 1556 г., улучшены торговые и дипломатические сношения России с Востоком, проведены успешные походы в Крым в 1555 и 1557 годах, успешно проведена первая половина Ливонской войны, присоединено Сибирское царство, завоеванное донскими казаками под руководством Ермака Тимофеевича в 1582 году и т.д. Но некоторые современные исследователи считают, что столь удачная внешняя политика не в полной мере является его личным достижением.

Так, в период взятия Казани и Астрахани Иван Грозный ещё находился под влиянием действительно великого исторического деятеля – митрополита Макария, и взятие Казани и Астрахани – в гораздо большей степени заслуга святителя Макария, священника Сильвестра и просвещённых людей, бывших в то время советниками царя (опять же по рекомендации митрополита Макария). Справедливости ради надо отметить, что во время Казанского похода 1552 г. Иван Грозный для многих его современников действительно выступал в роли освободителя населения огромного региона, страдающего от татарских набегов. Местное население, преимущественно, мордовское, в большинстве своем встречало царя как освободителя. Доброжелательное отношение Ивана IV к местному населению, личное обаяние двадцатидвухлетнего государя сохранились в народной памяти и дошли до нашего времени в устно-поэтических рассказах. Казанский поход 1552 года и блестящая победа Ивана IV над Казанью не только означали крупный внешнеполитический успех русского государства, но и способствовали укреплению власти царя.

С первых шагов по покорению и освоению Поволжья царь стал приглашать к себе на службу всю казанскую знать, согласившуюся ему присягнуть, послав «по всем улусам чёрным людям ясачным жалованные грамоты опасные, чтобы шли к государю не бояся ничего; а кто лихо чинил, тому Бог мстил; а их государь пожалует, а они бы ясаки платили, якоже и прежним казаньским царем».

Завоевание Казани имело громадное значение для народной жизни. Казанская татарская орда связала под своей властью в одно сильное целое сложный инородческий мир: мордву, черемису, чувашей, вотяков, башкир. Черемисы за Волгой, на р. Унге и Ветлуге, и мордва за Окой задерживали колонизационное движение Руси на восток; а набег татар и прочих «язык» на русские поселения страшно вредили им, разоряя хозяйства и уводя в «полон» много русских людей. Казань была хронической язвой московской жизни, и потому её взятие стало народным торжеством, воспетым народной песней. После взятия Казани, в течение всего 20 лет, она была превращена в большой русский город; в разных пунктах инородческого Поволжья были поставлены укрепленные города как опора русской власти и русского поселения. Народная масса потянулась, не медля, на богатые земли Поволжья и в лесные районы среднего Урала. Занятие нижней Волги и Западной Сибири было естественным последствием уничтожения того барьера, которым было для русской колонизации Казанское царство.

После покорения Астрахани русское влияние стало простираться до Кавказа. В 1559 году князья Пятигорские и Черкасские просили Ивана IV прислать им отряд для защиты против набегов крымских татар и священников для поддержания веры; царь послал им двух воевод и священников, которые обновили павшие древние церкви, а в Кабарде развернули широкую миссионерскую деятельность, крестив многих в православие.

Однако успех не всегда сопутствовал Ивану Грозному.

Ливонскую войну Иван Грозный развязал, не послушав своих компетентных советников, да и вел её бездарно, фактически сколотив против себя коалицию всей Северной Европы и не закончив ее на выгодных условиях, когда ещё можно было. И хотя первые годы войны с Литвой и Швецией были для Ивана IV тоже успешными, Россия проиграла эту войну, лишилась жизненно важных приморских территорий – Лифляндии, Эстляндии, нескольких русских городов. Даже завоевание Сибири – единственное увеличение территорий в конце его царствования — не личная заслуга Ивана Грозного. Ермак пошел туда на свой страх и риск, фактически без ведома царя. Когда же эти завоёванные территории преподнесли Ивану Грозному, он благоволил принять их в своё владение.

Активное участие царя в опричнине и внешнеполитической деятельности не мешало ему вести активную личную жизнь. Количество жен Ивана Грозного точно не установлено, у

историков упоминаются имена семи женщин, считавшихся жёнами Ивана IV. Из них только первые четыре являются «венчанными», то есть законными с точки зрения церковного права (для четвёртого брака, запрещенного канонами, Иваном было получено соборное решение о его допустимости). Возможным объяснением многочисленности браков, не свойственной для того времени, является необходимость иметь адекватного наследника. Судьба его жен поистине трагична. Мария Темрюковна, Марфа Собакина, Анна Васильчикова умерли от «таинственных» болезней. Еще двух жен, заподозренных в измене, казнили. Последней женой Ивана Грозного была Мария Нагая. Она и «впрямь была царицей. Высока, стройна, бела и умом и всем взяла». Настоящая русская красавица: большие, выразительные серые глаза, густая коса ниже пояса. Тем не менее, и она скоро стала ненавистна царю, несмотря на то, что родила ему впоследствии печально известного царевича Дмитрия. Дочь боярина, воеводы и окольного Федора Федоровича Нагого, она не собиралась замуж за царя, а готовилась к свадьбе с молодым сыном соседа-боярина. Но царь призвал её, до того опального, отца в Москву, а вскоре туда же привезли и Марию, приказав однажды вечером выйти в залу отцовской усадьбы, чтобы поднести царю Ивану чарку вина. И.... свадьбу отпраздновали через неделю после смотрин. Патриарх и епископы на свадьбе отсутствовали – этой пустоты не могла компенсировать пышность стола, украшенного сахарными кремлями высотой в человеческий рост: царская свадьба не была законной. На другой день праздновалась свадьба царевича Федора с Ириной, сестрой боярина Бориса Федоровича Годунова. Было это в 1580 году, за четыре года до смерти Ивана Грозного. Мысль о том, что возможный сын Марии станет наследником престола, была туманной. Во-первых, перед ним были двое сыновей: Иван и Федор. Во-вторых, она понимала, что её брак незаконен: условно венчанная жена, трудно сказать, какая по счету.

Через несколько месяцев после свадьбы в царской семье случилась беда, Иван Грозный посохом убил своего старшего сына Ивана, хотя это только одна из версий. Но это была ссора, и во время неё Грозный нанес сыну смертельный удар. В начале 1584 года Мария Нагая родила сына Дмитрия. Полузаконная царица со страхом ждала своей дальнейшей участи. А царь в это время сватался к заморским девицам.

В середине марта 1584 года царь созвал астрологов, колдунов и колдуний, желая узнать будущее. Впечатлительный и нервный, он прислушивался к себе, ощущая близкий конец и не желая верить ему. Все чародеи, не сговариваясь, назвали день смерти. Так скоро?! Не поверил. В назначенный ими день чувствовал себя бодро. Повел приближенных в свою сокровищницу, заговорил: «Видите этот прекрасный коралл и эту прекрасную бирюзу, возьмите их в руку... теперь положите мне на руку, я отравлен болезнью: вы видите, они теряют своё свойство, переменяют яркий цвет на бледный – они сулят мне смерть...».

Закончив последнюю лекцию о свойствах драгоценных камней, что так любил проводить, Иван IV прочитал завещание, в котором отдавал престол сыну Федору, а сыну Дмитрию с матерью назначал в удел Углич. Потом помылся в бане, сел играть в шахматы и скончался. Случилось это 17 марта 1584 года. На третий день тело царя Ивана Васильевича было предано погребению в Архангельском соборе рядом с могилой его сына.

Достоверно выяснить, была ли смерть царя вызвана естественными причинами или была насильственной, затруднительно.

Существовали упорные слухи о насильственной смерти Грозного. Летописец XVII века сообщал, что «царю дали отраву ближние люди». Версия об отравлении Грозного проверялась при вскрытии царских гробниц в 1963 году: исследования показали нормальное содержание в останках мышьяка и повышенное содержание ртути, которая, однако, присутствовала во многих лекарственных препаратах XVI века. Версия убийства была сочтена не подтвержденной, но и не опровергнутой.

Известно, что в конце жизни, испытывая раскаяние, Иван Грозный велел составлять список жертв своего ужасного правления, который перед его смертью в 1584 году вырос до 3000 с лишним имён. Копии этого списка, вместе с денежными пожертвованиями, были разосланы по крупнейшим монастырям России с распоряжением молиться за упокой их душ.

В качестве общих итогов правления Ивана Грозного, определённых разными исследователями, в том числе и далёкими от его идеализации, в самой краткой форме, при комплексном подходе, можно указать следующие.

1. Оценивая итоги расцвета Русского государства, Р.Г.Скрынников упоминает прекращение феодальной усобицы, объединение земель, реформы Ивана Грозного, укрепившие систему государственного управления и вооруженные силы. Это позволило сокрушить последние осколки Золотой Орды на Волге — Казанское и Астраханское царства. Но рядом с этим, одновременно с этим были неудачи России в Ливонской войне (1558—1583) за выход на Балтику, были неурожаи 60-х гг. XVI в., голод, чума, опустошившие страну. Был раздор Ивана IV с боярами, раздел государства на земщину и опричнину, опричные козни и казни (1565—1572), ослабившие государство, нашествие 40-тысячной крымской орды, большой и малой нагайских орд на Москву в 1571 г.

2. Завершение образования централизованного европейского государства («Россия заняла достойное место среди крупнейших держав Европы») и предпосылки к созданию уникального государства —евразийского.

3. Сохранение независимости страны. При достаточных основаниях для сопоставления масштабов Куликовской битвы с битвой при Молодях (участие 5 тысяч в первой, например, — по С.Б.Веселовскому или 60 тысяч по В.Н.Татищеву, и свыше 20 тысяч во второй — по Р.Г.Скрынникову), последняя также имела эпохальное значение для дальнейшего развития государства: было покончено с неотвратимой опасностью регулярной опустошительной татаро-монгольской экспансии. «Цепь татарских „царств“, простиравшихся от Крыма до Сибири была навсегда разорвана». Формирование оборонных рубежей: «...любопытная и важная черта в деятельности московского правительства в самую мрачную и тёмную пору жизни Грозного — в годы его политических неудач и внутреннего террора... — забота об укреплении южной границы государства и заселении „дикого поля“. Под давлением многих причин правительство Грозного начало ряд согласованных мер по обороне своей южной окраины...».

4. «„Казанское взятие“ (1552) открыло русским путь в низовья великой русской реки Волги и на Каспийское море». «Среди сплошных неудач конца войны (Ливонской), сибирское взятие Ермака блеснуло подобно молнии в ночной тьме», предопределив, вместе с укреплением успеха предыдущих пунктов, перспективу для дальнейшего расширения государства по этим направлениям.

5. «Ливонская война Грозного была своевременным вмешательством Москвы в первостепенной важности международную борьбу за право пользования морскими путями Балтики». И даже в неудачной кампании большинство наиболее обстоятельных исследователей прослеживает позитивные факторы за тем, что в это время шла многолетняя торговля с Европой морским путём (через Нарву), и что впоследствии, через сто с лишним лет реализовал и развил как одно из основных направлений своей политики Пётр.

6. «Упразднился старый взгляд на опричнину как на бессмысленную затею полоумного тирана. В ней видят применение к крупной земельной московской аристократии того „вывода“, который московская власть обычно применяла к командующим классам покорённых земель. Вывод крупных землевладельцев с их „вотчин“ сопровождался дроблением их владений и передачей земли в условное пользование мелкого служилого люда. Этим уничтожалась старая знать и укреплялся новый социальный слой „детей

боярских“, опричных слуг великого государя». Если сравнивать с Европой этого времени: опричина унесла за 6 лет около 5 тысяч жизней, одна Варфоломеевская ночь — 30 тысяч (по разным оценкам: от 5 до 30 тысяч); В Священной Римской империи — Карл V (1520—1558) казнил десятки тысяч; в Англии: Генрих VIII (1509—1547) — десятки тысяч казнённых в политической борьбе, в числе десятков других деятелей культуры — Томас Мор, 6-й своих жён король, подозревая в измене, казнил 2-х; Елизавета I (1568—1603) — десятки тысяч казнённых; Испания: 16 февраля 1568 года испанская инквизиция приговорила к смертной казни всех жителей Нидерландов (не говоря обо всех казнённых инквизицией), в ходе подавления восстаний в Нидерландах Филиппом II (1556—1598) за два года казнено более ста тысяч, 4 ноября 1576 года при подавлении восстания в Антверпене казнено 8 тысяч, он казнил представителей десятков аристократических арагонских родов.

7. Общее состояние культуры характеризуется подъёмом, зрелое развитие которого стало возможным только после преодоления смуты. «Набеги крымчаков и страшные пожары нанесли Москве и москвичам тяжкий урон в годы правления Иоанна IV Васильевича. Поправлялась после того Москва медленно. „Но царствование Иоанна Грозного, — по мнению И.К. Кондратьева, — было всё же одним из замечательных царствований, наложивших на Москву, а с нею и на всю Россию печать особенного величия“. Действительно, в эти годы в Москве состоялся первый Земский собор, был создан Стоглав, открыта первая типография, построены Архангельск, Кунгур и Уфа, башкиры приняты в русское подданство, учредилось Донское казачество, воздвигнут знаменитый храм Покрова в память завоевания Казанского царства, более известный под именем Василия Блаженного», учреждено Стрелецкое войско.

8. В исследуемый период усилилось отделение ремесла от сельского хозяйства. Насчитывалось уже более 200 ремесленных специальностей, а в Великом Новгороде - 237. Дальнейшее развитие получают товарно-денежные отношения, создаются предпосылки для складывания всероссийских рыночных связей. Больше стало городских и сельских торгов, базаров, ярмарок. Москва становится не только политическим, административным, но и экономическим центром страны. Через Смоленск и Новгород Россия торговала с Западной Европой, с присоединением Астрахани и Казани усилились торговые связи со странами Кавказа, Средней Азии, Ирана. Была начата торговля с англичанами (1553). Во второй половине XVI века быстро росли новые города: Орёл, Воронеж, Белгород, Самара, Саратов, Тюмень, Тобольск и др. — всего было построено свыше 50 новых городов. Восстанавливались древние города, например, Курск.

9. Иван IV был одним из самых образованных людей своего времени, обладал феноменальной памятью, богословской эрудицией. По утверждению историка С.М. Соловьёва «ни один государь нашей древней истории не отличался такою охотою и таким умением поговорить, поспорить, устно или письменно, на площади народной, на церковном соборе, с отъехавшим боярином или с послами иностранными, отчего получил прозвание в словесной премудрости рителя». Он автор многочисленных посланий. По его распоряжению создан уникальный памятник литературы — Лицевой летописный свод. Он любил ездить по монастырям, интересовался описанием жизни великих царей прошлого. Предполагается, что Иван унаследовал от бабки Софьи Палеолог ценнейшую библиотеку морейских деспотов, в которую входили древние греческие рукописи; что он с ней сделал, неизвестно: по одним версиям, библиотека Ивана Грозного погибла в одном из московских пожаров, по другим — была спрятана царем. В XX веке предпринимавшиеся отдельными энтузиастами поиски якобы скрытой в подземельях Москвы библиотеки Ивана Грозного стали сюжетом, постоянно привлекающим к себе внимание журналистов.

Укрепление самодержавия, крепостничества без экономических и социальных фундаментов привело к тому, что после смерти Ивана Грозного все эти «достижения» рухнули, страна погрузилась в пучину Смутного времени и едва не потеряла свою самостоятельность.

Новый царь Федор Иоаннович всем своим существом, болезненным и слабым, обещал быть противоположностью умершему грозному отцу. Очень быстро определилось превосходство над ним брата новой царицы Ирины, Бориса Годунова. Марию Нагую с сыном и родственниками отправили в Углич. Мария получила хорошее содержание, но сам факт удаления ее с младенцем из столицы за неделю до коронации Федора означал, что новая власть не желает видеть рядом возможного претендента на престол в лице недавно родившегося ребенка.

Сначала в Угличе царила тишина: Мария Нагая и ее окружение привыкали к новой жизни. Полузаконная царица, бывшая теремная боярышня, сформировавшая характер среди кремлевских сплетен, интриг, наговоров, оказалась в Угличе в узком кругу соглядатаев, навязанных Москвой, обязанных прислуживать ей и ребенку, и призванных внушать покорность обстоятельствам. Но с нею были братья и другие родственники. Они нашептывали Марии мысль об её сыне, как о возможном наследнике: в Москве жена царя Федора Ирина не рожала, а сам Федор слаб и не жилец. Москва проявляла внимание к Угличу. Появился дьяк Битяговский, назначенный царем Федором исполнять надзор за ассигнованиями на нужды царицы, они были сильно сокращены вскоре после венчания Федора на царство. Мария, подстрекаемая родней, начала ссориться с Битяговским из-за денег. Они выслеживали друг друга. Он докладывал в Москву, что в окружении Марии идут разговоры о скорейшей кончине царя Федора и воцарении малолетнего Дмитрия, что брат Марии, Михаил Нагой, держит на своем дворе ведуна Андрюшку, который "ворожит противу жизни государя царя Федора". Мария, в свою очередь, всем говорила, что Битяговский приютил у себя юродивую женку, которая "кликала на царевича Дмитрия падучую болезнь". Мальчик действительно рос нервным и впечатлительным. Он рано начал проявлять черты характера своего отца: был жесток к животным, капризен с подданными. Да и приступы эпилепсии у него случались, о чем есть свидетельства.

С 1584 по 1591 год прожила Мария с ребенком в угличской ссылке. И чем старше становился Дмитрий, тем тревожнее была атмосфера вокруг него: наговоры, оговоры, заговоры, рассказы об убийствах, отравлениях, намеки на злодеев. Разрасталась мечта родственников Нагих сделать Дмитрия царем. Недалекая Мария, разумеется, не возражала, с годами она подзабыла свою незаконность.

В 1591 году царь Федор запретил поминовение в церквах при богослужениях имени царевича Дмитрия, положив в основание запрета мысль о том, что царевич рожден в браке, не освященном церковью, а значит, является незаконнорожденным. Эта акция была связана с долгожданной беременностью царицы Ирины. Перед русским престолом забрезжила перспектива законного наследника.

15 мая 1591 года царевич Дмитрий погиб. Его смерть всколыхнула Россию и, став переломным моментом в истории, выросла в народную трагедию. Сразу после трагедии Мария Нагая криком подняла народ, Битяговский и его приближенные были убиты. Позже кровью залило всю Россию.

Слухи поползли с первых минут, мешаясь с официальной версией, то вторя, то противореча ей, и, в сущности, вертелись вокруг одного: приказал или не приказал боярин Борис Годунов убить царевича, боясь его будущих претензий на престол? Виновен Борис в смерти Дмитрия или невиновен?

Уже более четырех веков обе версии, варьируясь, не дают покоя историкам.

По официальной версии, царевич, играя на заднем дворе со сверстниками в "тычку" (игра с ножом), вдруг забился в сильном эпилептическом припадке, накололся шейкой на нож и мгновенно умер. И хотя четверо свидетелей, кроме сверстников, игравших с царевичем, подтвердили нечаянное самоубийство, хотя о царевиче было известно, что во время "падучей" он невменяем, припадки были крайне сильные, все эти свидетельства были прочно забыты. Версия о причастности к его убийству Бориса Годунова победила неофициально, но крепко.

Однако заинтересованность Бориса в смерти ребенка кажется сомнительной. Он тогда ждал рождения законного наследника, надеясь, что Ирина родит мальчика и в таком случае он, ее брат, получит перспективу бессрочного правления. Если умрет Федор, Ирина станет правительницей при сыне. Младенец будет расти – пятнадцать-двадцать лет у престола Борису гарантированы. Да и бесплодие Ирины оказалось неправдой, и возможны ещё дети от царя. Полузаконный царевич становился не опасен Борису. Забывать о нем Борис не собирался: заговор Нагих был возможен, - но убивать его означало для Годунова навлечь на себя подозрение двора и немилость царя Федора, которого все дружно хоронили, но он не умирал.

Через несколько месяцев после смерти царевича Дмитрия царица Ирина родила девочку. Борис Годунов сразу поднял перед царем Федором невероятный вопрос о необходимости в случае отсутствия других детей у Ирины составить завещание в пользу "особы женского пола".

Мария Нагая была пострижена в монахини, но она ещё появится на исторической сцене. После долгих лет в монастыре инокиню Марфу, то есть Марию Нагую, призвали в 1605 году – исполнить главную роль в спектакле признания новоявленного Дмитрия своим сыном. Она голосила над остывающим трупиком сына в Угличе. Она целовала ребенка перед тем, как гроб опустили в могилу. Значит она притворялась? Зачем? Хотела уберечь от Годунова сына, чтоб он смог вернуться невредимым через годы? Всё время в монастыре она ждала своего часа? Если так, то счастливая мать дождалась. Он встретил её в селе Тайнинском, в роскошном шатре. О чем говорили эти двое неизвестно, но вышли они обнявшись. Доверчивый народ обливался слезами, видя слезы счастья матери-монахини. А может она плакала от собственного греха перед памятью сына?

Её посадили в великолепную колесницу и торжественно ввезли в Москву. Поселили в Вознесенском монастыре Кремля. Она ждала приезда невесты, зная, что Марина Мнишек до свадьбы будет жить у неё, в монастыре. Запуганная ещё Иваном Грозным, эта несчастная женщина принимала всё молча, но вдруг восстала против желания нового царя вскрыть могилу ребенка, похороненного когда-то под именем Дмитрия. Он хотел от неё признания покойника не её сыном. Она не пошла на это. Значит, он был не чужой? Остался слух, что вскоре после признания Лжедмитрия сыном, Мария-Марфа писала письмо польскому королю Сигизмунду, рассказав в нем правду, умоляя не благословлять Марину Мнишек на заочном обручении с новым русским царем-самозванцем. Но Сигизмунд благословил.

Было ли это письмо? Этого мы уже никогда не узнаем. После свержения Лжедмитрия ей пришлось снова выступать и свидетельствовать обратное. И уже без возражений участвовала она в процессии перезахоронения маленького сына. Его похоронили рядом с отцом Иваном Грозным, и никто уже не вспомнил о его "незаконности", о том, что брак родителей не был освящен церковью. Так может именно этого признания сына царевичем, хоть и посмертного, и добивалась Мария Нагая? Кто знает?

ИСТОЧНИКИ:

- Адамцевич О. Первая военная реформа в России [военная реформа Ивана Грозного] / О. Адамцевич // Военно-исторический журнал. - 2005. – N 3. - С. 51-55.
- Аль Д. Иван Грозный: известный и неизвестный. От легенд к фактам / Д. Аль. - Санкт-Петербург: ИД "Нева", 2005. - 320 с.
- Анцыферов Ф. Иной путь, или Как царь Иван Васильевич мог изменить судьбу Руси / Ф. Анцыферов // Вокруг света. - 2004. - N 6. - С. 164-176.
- Богатырев С. Лестница в небеса (Символика власти Ивана Грозного) / С. Богатырев // Родина. - 2004. – N 12. - С. 9-13.
- Волков В. Ратные силы / В. Волков // Родина. - 2004. - N 12. - С. 52-56.
- Время Ивана Грозного XVI в. - Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2010. - 256 с. - (Россия – путь сквозь века).
- Иоанн Грозный. Антология. – Москва: Эксмо, 2004. – 544с.
- История государства Российского: Жизнеописания. IX-XVI вв. / сост. А. Шевцов, С. Синегубов, М. Опалинская. - Москва: "Книжная палата", 1996. - 480 с.
- Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: в 3 т. / Н.И. Костомаров. - Москва: ТОО "Феникс", 1995. - Т. 1. - 640 с.
- Леванов Б.В. История России. Курс лекций: учеб. пособие / Б.В. Леванов, А.В.Чунаков. – Москва: ИКФ омега-Л, 2002. – 656 с.
- Лобин А. Павлин и Волк, Собака и Лисица. Царёвы пушкари / А. Лобин // Родина. - 2004. – N 12. - С. 75-77.
- Манягин В.Г. Правда Грозного царя / В.Г. Манягин. - Москва: Алгоритм, 2007. - 256 с.
- Павловский И. А была ли альтернатива? Чего не сделал Иван Грозный? / И. Павловский // Вокруг света. – 2004. – N 4. – С. 178, 180.
- Панова Т. Отравили! Жизнь и смерть Елены Глинской: историко-антропологическое расследование / Т. Панова, Д. Пежемский // Родина. – 2004. – N 12. – С. 26-31.
- Селевич Ю.А. Иван Грозный / Ю.А. Селевич // Наука и техника. Журнал для перспективной молодежи. - 2011. – N 1,2.
- Скрынников Р.Г. Иван Грозный / Р.Г. Скрынников. – Москва: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 480 с.
- Фроянов И. Грозная опричнина / И. Фроянов. - Москва: ЭКСМО, 2009. - 560 с.
- Широкоград А. Б. Путь к трону: историческое исследование / А.Б. Широкоград. - Москва: ООО "Изд-во Астрель", 2004. - 445 с.

Составитель: Ковалёва О.В.